

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЧУВСТВ

ЭМОЦИИ	СТАТУС
Боль	не подлежит списанию
Вина	не погашена
Надежда	в резерве
Любовь	сомнительный актив

Анастасия Рафраенко

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анастасия Рафаенко

Инвентаризация чувств

<https://litres.ru/73976256>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кире Писаревой тридцать три. Она главный бухгалтер, удобная дочь, незаменимый сотрудник и женщина, которая давно отложила собственную жизнь «на потом».

В день рождения её почти никто не поздравляет. Родители вспоминают о ней только тогда, когда нужны деньги, коллеги видят в ней функцию, а любовь кажется чем-то, что нужно заслужить.

Ночью, сидя на крыше с непочатой бутылкой вина, Кира открывает приложение знакомств и решает взять первый за четыре года отпуск. У неё есть три недели и восемь встреч с мужчинами, чтобы понять: можно ли её вообще любить?

Но каждое свидание становится не поиском отношений, а болезненной инвентаризацией себя – своих страхов, стыда, одиночества, зависимости от родителей и тела, которое она годами не считала своим.

«Инвентаризация чувств» – роман о том, что любовь нельзя заслужить пользой, заботой или деньгами. Иногда путь к любви начинается с самого трудного: перестать быть удобной и наконец выбрать себя.

Содержание

Пролог. Нулевой баланс	4
Глава 1. Вступительный отчет: Активы и пассивы одиночества	9
Глава 2. Инвентаризация иллюзий	24
Глава 3. Баланс первого провала	38
Глава 4. Амортизация: износ защитных механизмов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анастасия Рафаенко

Инвентаризация чувств

Пролог. Нулевой баланс

Ночь уже перетекла в новый день. Официально мне тридцать три. Вчера было тридцать два, но ничего не изменилось.

Февральский ветер режет щеки. Я морщусь, машинально втягиваю голову в плечи и все равно остаюсь сидеть. Холод уже давно проник внутрь – засел где-то между ребрами и не собирается уходить. Я свешиваю ноги с края технической площадки на крыше девятиэтажки. Пятки глухо бьют по бетону, а внизу – целый город. Окна жилых домов гаснут одно за другим: людям завтра на работу. Фары тянутся плотным потоком по проспекту, фонари выстроились оранжевой цепочкой до самого горизонта. Этому городу совершенно точно нет до меня дела.

Из кармана плюшевого халата, накинутого поверх блузки, выглядывает слегка помятая пачка «Бонда» – купила вечером в ларьке у метро, сама не поняла зачем. Пальцы едва слушаются от февральского мороза, я долго вожусь с целлофановой лентой. Сигарета. Зажигалка. Запах дешевого табака раздражает нос, но я упрямо тяну дым внутрь, до боли в горле. Кашель вырывается резко, я сгибаюсь, закрывая рот

ладонью.

– Господи...

Слеза медленно собирается в уголке глаза. От чего? Обиды? Чувства собственной нелепости? Рефлекс. Просто едкий дым, ничего более. Сколько прошло лет с тех пор, как я держала между пальцами эту отраву? Пятнадцать? Это точно было на втором курсе техникума, когда мы с девчонками курили на пожарной лестнице и думали, что это круто. Тело, оказывается, все забыло.

Во рту горчит. Я делаю еще одну короткую затяжку, задерживаю дыхание и выпускаю дым в сторону огней. Ветер тут же рвет поток на клочки. Бутылка вина стоит рядом, упираясь в ржавую скобу ограждения, я открыла ее еще полчаса назад. Вино дорогое. Настоящее итальянское, четырнадцать тысяч – моя месячная коммуналка с запасом. Купила утром, когда еще верила, что после работы будет повод проставиться перед коллективом, которые пошутят про мой возраст и, возможно, дадут непрошенные, но справедливые, советы.

Не отпила ни глотка. Просто держу горлышко, чувствую ледяное стекло под сухой кожей пальцев и смотрю, как дыхание этого города пытается сорвать этикетку.

Телефон вспыхивает экраном. Сердце делает привычный, жалкий микроскачок. На долю секунды я верю, что это мама. Или папа. Или Наташка из расчетного отдела. Хоть кто-то...

На экране – знакомый логотип банка. «Напоминаем: вы можете увеличить кредитный лимит...». Чуть ниже – непро-

читанная утренняя рассылка от магазина косметики: «Скидка 20% в ваш особенный день!».

Больше никто. В такие моменты понимаешь – одиночество начинается не тогда, когда некому позвонить. А тогда, когда ты уже не знаешь, что сказала бы, если бы кто-то взял трубку.

Я фыркаю и снова кладу телефон на бетон. Осторожно, почти бережно. Пусть лежит. Молчит – и ладно, жрать и денег не просит, еще лучше!

Я мысленно, как по первичным документам, пролистываю прошедший день. Проснулась, приняла душ. Испекла блины – аккуратно, один к одному, сложила стопкой, накрыла тарелкой. «На вечер после работы». Надела новую шелковую блузку, накрасила ресницы – впервые за годы. Пришла на завод. Никто не заметил. Никто не вспомнил. Директор сухо сказал «молодец» моему годовому отчету, а не мне.

Только Зинаида Павловна, наша уборщица, догнала меня в коридоре после обеда и сунула в руку шоколадку «Аленка». Сказала: «Я даты с пропусков хорошо помню. С праздником. И блузка у тебя красивая». Но я была способна лишь на скорую благодарность и попутку спрятаться в туалетной кабинке, я отломила квадратик теплого, подтаявшего в кармане технички шоколада и чуть не расплакалась.

Вечером я вернулась в пустую квартиру. Блины на столе остыли и обветрились. Их края стали жесткими, слегка скрученными. Все лучшее во мне лежало под тарелкой, как эти

блины: вроде сохранено для особого случая, но уже давно не горячее, не мягкое и не такое вкусное.

Ветер на крыше усиливается. Я поднимаю сигарету к губам, делаю последнюю длинную затяжку. Дым проходит внутрь плотной волной. Я гашу окурочок о бетон и бросаю вниз. Маленькая красная точка летит в темноту и гаснет. Никто не удивится, если бы это сейчас была не сигарета.

Внутри поднимается мысль – четкая, голая, без привычных оправданий «да ладно, мне и так нормально»:

«Я хочу, чтобы кто-то меня обнял. Сказал, что любит. Налил горячего чая и укрыл... от проблем, отчетов и этого города».

От этой формулировки становится неуютно.

Я тянусь к телефону. Время 00:37. Мой тридцать третий год пошел.

Разблокирую экран. Среди привычных иконок – таблиц, почты, банка – в углу висит мелкий зеленый значок. Приложение для знакомств. Ленка из отдела кадров установила мне его спьяну год назад на корпоративе. Я ни разу его не открывала.

Нажимаю.

Экран на пару секунд застывает, потом открывается профиль. Фотографии нет. Имя: «Кира». Возраст: 33. Больше ничего. Пустое белое поле.

Я даже здесь – никто. Просто цифра и имя. Как будто мне выдали анкету на жизнь, а я сдала ее пустой.

Улыбаюсь краем рта – сухо, без радости.

– Идеально, – говорю в пустоту. – Нулевой баланс.

Я смотрю на темное горлышко бутылки. Пить не хочется.

Ни глушить, ни забывать. Я вдруг понимаю, что хочу чувствовать. Даже если будет больно, но не так как сейчас.

Вдалеке мигает огонек самолета. Внизу – сотни чужих жизней, освещенных окнами квартир и среди миллиона огней там, внизу, горит один маленький зеленый свет в моих замерзших руках.

– Три недели, – неожиданно громко говорю я. Оглядываюсь – на крыше никого. Только антенны.

– Три недели, – повторяю тише, пробуя слова на вкус. – Я возьму этот чертов отпуск. Я попробую.

Это звучит как обещание. Не знаю, откуда взялись именно три недели. Наверное, потому что по регламенту полагается двадцать один день. Я знаю это лучше всех – сама считала всем отпускные, но ни разу не брала свои.

Я сжимаю холодный телефон обеими руками.

– Я попробую.

Глава 1. Вступительный отчет: Активы и пассивы одиночества

Утро. Просыпаюсь без будильника, смотрю на серый потолок и понимаю: сегодня я действительно это сделаю. Сегодня я напишу заявление.

Рыбки шевелятся в аквариуме – слышно тихое бульканье фильтра. Их зовут Дебет, Кредит и Сальдо. Единственные существа в этом мире, которые меня ждут. Я сыплю им корм, они послушно поднимаются к поверхности. Константа.

Пока чищу зубы, смотрю на себя в зеркало. Обычно я делаю это по памяти, избегая встречу с собой взглядом, но сегодня останавливаюсь. Волосы стянуты. Пучок такой тугой, что резинка тянет кожу, и у основания черепа уже зарождается тупая, пульсирующая боль. Я привыкла к ней. Гладкая серая блузка. Прямая коричневая юбка. Кожа на руках сухая, стянутая от частого мытья жестким мылом – я машинально тру костяшки пальцев, пытаюсь унять легкий зуд.

На улице февраль – щербатый асфальт покрыт коркой льда. У проходной привычная очередь, гудят автобусы. Завод живет по своему расписанию, ему абсолютно все равно, сколько мне лет и что я вчера плакала на крыше. Турникет щелкает. Иду по коридору административного корпуса. Запах въелся в стены намертво: старая масляная краска, тонер

для принтера, влажная тряпка и растворимый кофе из автомата – кисловатый, с привкусом пластика.

Мой стол в бухгалтерии – третье место от окна. Здесь я абсолютно уверена в себе. Монитор по центру, ежедневник слева, стопка папок строго по датам. Ни фотографий, ни кружки с надписями, ни личных мелочей. Чистый, стерильный стол. Если я завтра исчезну, сюда можно посадить любого, и ничего не придется менять. Единственное исключение – крошечный колючий кактус в пластиковом стакане, который помощница поставила мне три года назад.

Открываю ящик, достаю папку с бланками. Белый лист пахнет типографией. Беру ручку. Рука автоматически выводит шапку: «Генеральному директору ОАО «МашЗавод» Короткову И. Б. от главного бухгалтера Писаревой К. А.», затем: «Прошу предоставить мне ежегодный отпуск...».

Я замираю над датами.

– Так, – шепчу. Вписываю: «с 14 февраля по 6 марта включительно».

Подпись ставлю не сразу. Пальцы висят над строкой. Внутри поднимается привычный хор:

«Как же отчет?»

«А если без тебя не справятся?»

«А если директор разозлится?»

«А если потом будут смотреть иначе?»

«А если место займут?»

«А если мама узнает и скажет, что ты с жиру бесишься?»

Я ставлю подпись.

Она выходит ровной. Предательски спокойной.

Лариса Петровна за соседним столом чихает.

– Будьте здоровы, – говорю машинально.

– Спасибо, – отвечает Лариса, не отрываясь от декларации.

Мир не замечает, что я только что подписала маленькую революцию.

Встаю. Беру заявление в двух экземплярах. Один себе, один в отдел кадров. Даже в отпуск я иду по регламенту. Это смешно, но так мне легче.

В приемной секретарь Лена пьет чай из большой кружки с котом и листает что-то в телефоне. На блюде рядом лежит печенье, надкушенное и парочка шоколадных конфет.

– Лен, доброе утро.

Она поднимает глаза.

– О, Кира Александровна. Доброе утро, – Лена улыбается.

– Директор у себя?

– У себя, но настроение так себе. Планерка сорвалась, ИТР на него с утра что-то гнали. Если вы про бюджет – лучше не сейчас.

– Я не про бюджет.

Это звучит почти смело. В животе тут же холодеет.

Стучу.

– Да, – коротко отвечает Коротков.

Кабинет у него большой, с картой завода на стене, кожа-

ным диваном, на котором неудобно сидеть, и фикусом у окна. За стеклом виден цех: кран-балки, красные лампочки, фигуры рабочих в спецовках. Стол завален договорами. Коротков сидит в очках, хмурый, уткнувшись в бумаги.

Я стучу. Три коротких удара. Захожу. Коротков сидит за огромным столом, уткнувшись в документы.

– Кира Александровна, – говорит он, не поднимая головы.
– Что у нас по НДС в этом квартале?

– По НДС все в порядке, – отвечаю. Голос звучит ровнее, чем я себя чувствую. – У меня другой вопрос.

Он поднимает глаза.

– Какой?

Я кладу заявление на стол. Ровно. Текст направляю к нему.

– Мне нужен отпуск.

Он смотрит на лист. Потом на меня. Потом снова на лист.

– Простите?

– Ежегодный отпуск, – говорю я. – На три недели. С четырнадцатого февраля.

Он берет заявление, читает, будто там не стандартная формулировка, а угроза.

– Три недели? – переспрашивает Коротков, нахмутив брови. – Кира Александровна, вы серьезно?

Я складываю руки на коленях, хотя стою. Пальцы сами ищут друг друга, сжимаются.

– Да.

– У нас конец февраля. Квартал. Проверки. Аудиторы. Свод по затратам. Кто это потянет?

Вот оно. Любимая фраза всех, кто годами пользовался чужой надежностью как бесплатным ресурсом.

Кто это потянет?

Я знаю правильный ответ. Я. Всегда я.

Но сегодня я вспоминаю крышу. Вино, которое не выпила. Телефон, который молчал. Блины с закрученными краями. И свое отражение.

– Справитесь, – отвечаю коротко я.

Слово выходит тихо. Не героически. Почти хрипло. Но выходит!

Коротков моргает.

– Что?

Я сглатываю. Во рту сухо.

– Справитесь. Я оставлю инструкции по всем текущим отчетам. Лариса Петровна знает налоговую часть. Нина ведет первичку. Регламенты прописаны. Все критичное я передам до пятницы.

Он откидывается на спинку кресла.

– Давайте так. Возьмите неделю. Максимум десять дней. Отдохнете, вернетесь, и спокойно закроем квартал. Вы же понимаете, без вас...

Он не договаривает привычное «Без вас никак.».

Я слышала это от многих. От начальства. От мамы. От папы. От коллег. От всех, кто произносил «без тебя» так,

будто это комплимент, а на деле – веревка.

– Я не отдыхала четыре года, – говорю я. – У меня накопилось больше шестидесяти дней. Я прошу всего три недели.

– Кира Александровна...

– Илья Борисович, – перебиваю и тут же пугаюсь, что перебила, – Если я не уйду сейчас, есть риск, что потом я уйду совсем... Ну или начну ошибаться. А ошибка главного бухгалтера обойдется заводу дороже моего отпуска.

Коротков смотрит на меня внимательнее. Кажется, впервые за долгое время видит не подчиненного, а человека, который сидит внутри должности и уже плохо помещается.

– Вы увольняться собрались?

– Нет, – говорю быстро. Слишком быстро. – Пока нет. Я просто устала...

Эта фраза оказывается страшнее всех подготовленных. В ней нет закона, регламента, производственной необходимости. Только я. Коротков молчит, где-то под нами глухо ревет станок. От вибрации чуть дрожит стекло в окне.

– Вы у нас лучший сотрудник, – прерывает тишину вознишую между нами, наконец.

Раньше я бы расцвела от этой фразы. Сегодня слышу в ней другое: «Вы удобная».

– Лучший сотрудник тоже человек, – говорю я.

Голос дрожит на слове «человек». Коротков вздыхает, берет ручку, подписывает заявление.

– Три недели, – говорит он, будто выдает не отпуск, а часть

печени. – Но к пятнице оставите все так, чтобы любой бухгалтер ночью проснулся и понял, что делать.

– Оставляю, – киваю.

Он откладывает заявление.

– И если за эти три недели решите уволняться – предупредите заранее. Я привык, что вы здесь. Без вас будет тяжело.

Слово «тяжело» звучит почти честно.

– Справитесь, – повторяю я.

На этот раз тише. Не ему даже. Себе.

Выхожу из кабинета. Закрываю дверь аккуратно, без щелчка. Делаю три шага по коридору и понимаю, что ноги ватные. В туалете закрываюсь в дальней кабинке. Сажусь на крышку унитаза, прижимаю подписанное заявление к груди и дышу. Руки трясутся. Не сильно, но заметно. Сердце бьется так, будто я не отпуск попросила, а украла что-то ценное. Может, так и есть. Я украла у завода три недели себя. И, кажется, впервые не собираюсь возвращать.

Наступило время обеда в заводской столовой.

Столовая – мой личный учебник по человеческим отношениям. Я здесь как аудитор чужой жизни: сижу у окна, ковыряю гречку и наблюдаю, как люди существуют друг для друга без служебных записок.

Время 13:10. Очередь к раздаче длинная и живая. Рабочие в спецовках, инженеры в клетчатых рубашках, девочки из отдела кадров в платьях, мужчины из снабжения с каска-

ми под мышкой. Пахнет борщом, котлетами, капустой, свежим хлебом, дешевым кофе и влажной шерстью от верхней одежды.

Беру поднос: гречка с котлетой, салат из свеклы, чай в стеклянном стакане с подстаканником. Расчет по ведомости, штамп в талоне. Все учтено. Сажусь за маленький столик у окна. На двоих, хотя место напротив всегда пустует. Автоматом кладу папку с документами на соседний стул, заранее зная: никто не спросит «свободно?».

Вилка застревает в котлете. Взгляд сам скользит по залу.

За дальним столом Илья из снабжения что-то рассказывает своим, машет вилкой, рабочие смеются. Один хлопает другого по плечу. У кого-то звонит телефон, мужчина улыбается в трубку:

– Да, зай, хлеб возьму. Не забуду.

Коллеги гудят, поддевают. Он отмахивается, но улыбается так, будто эти поддевки – часть тепла.

Рядом с раздачей девчонки из ОТК обсуждают кого-то из цеха.

– Ты видела, как Санька на тебя смотрел?

– Да отстань, он на всех так смотрит.

– Не на всех. На меня – нет, так что смиришься.

Они смеются, плечи соприкасаются. Одна вытирает другой крошку с губ салфеткой – легко, естественно, без извинений за прикосновение.

В углу сидит главный механик с женой. Она принесла ему

что-то в пакете, достает контейнер, поправляет воротник его рубашки. Главный механик наклоняется ближе, что-то говорит ей на ухо. Жена смеется. Они существуют друг для друга. Не только для графика ремонтов.

Я же ем медленно. Гречка остывает, котлета пахнет луком и столовским маслом с горечью. Здесь никто не один. Даже те, кто сидит отдельно, все равно включены в общий шум: им кивают, бросают фразу, зовут за стол, просят передать соль. Я – отдельная строка вне баланса. Не отнесенная ни к одному разделу.

С другой стороны зала слышу Наташкин голос:

– Да ладно, Слав, ты просто ревнуешь, что я вчера в сторис другого выложила!

– Я на тебя подписан только из жалости, – отвечает Слава, но улыбается.

– Ой, иди ты. Ешь, чахлый.

Наташка кладет ему кусок котлеты на тарелку. Без стыда. Без расчета. Просто потому что может.

Я отвожу взгляд.

Внутри сама собой составляется таблица.

Активы: стабильная работа, своя квартира, рыбки, накопления на родительскую дачу, подписанное заявление на отпуск.

Пассивы: ноль людей, которым можно позвонить без повода. Ноль прикосновений за последние годы. Ноль сообщений в день рождения, если не считать банк. Ноль понимания,

что делать с тремя неделями свободы.

Одиночество – это не когда вокруг никого. Вокруг как раз полно людей. Одиночество – это когда ты не числишься ни в чем внутреннем расписании.

Я отставляю поднос, не доев.

По дороге обратно в бухгалтерию прохожу мимо автомата с кофе. Он шипит, плюется в пластиковый стаканчик кому-то из мастеров. Запах кислый, химический.

Мой отпуск подписан. А я все еще иду к своему столу так, будто опаздываю перед кем-то оправдаться.

Вечером дома первым делом кормлю рыбок.

Аквариум стоит у стены, лампа в крышке дает мягкий желтый свет. Вода чуть мутновата – пора менять, но рыбки все равно подплывают к поверхности, как только видят пакетик корма.

– Привет, – говорю. – Хоть вы меня ждете.

Дебет хватает хлопья быстрее всех. Кредит кружит медленнее. Сальдо зависает у стекла, будто смотрит на меня в ответ.

Тишину разрезает звонок.

«Мама».

Я отключала звук весь день, чтобы не ждать. Включила дома – и вот. Тело реагирует раньше мысли: плечи поднимаются, живот сжимается, пальцы холодеют. Принимаю вызов.

– Алло.

– Дочь, привет, – голос у мамы усталый, но деловой. – Ты

чего не звонишь? Как работа?

Слово «вчера» не звучит. «С днем рождения» тоже. Конечно, не звучит. Я знала... Но где-то внутри все равно сидела глупая часть, которая надеялась: сейчас вспомнит. Сейчас скажет. Сейчас все исправит и даст надежду.

– Нормально, – отвечаю. – На работе...

– Слушай, я по делу, – перебивает мама. – Мне врач новые таблетки выписал. Импортные. Наши не помогают, давление опять скачет. Пятнадцать тысяч курс. Ты не могла бы перевести? Сегодня, если можно, а то он в аптеке отложил.

Я смотрю на рыбок. Им все равно, сколько стоят таблетки. Им нужно, чтобы я вовремя кормила и меняла воду.

– Могла бы, – говорю.

Открываю банковское приложение. Нахожу мамину карту. Ввожу 15 000. Нажимаю «отправить». Я делаю это так быстро, будто решение принимает не голова, а мышцы. У созависимости есть своя моторика: сначала переведи, потом почувствуй. И я почувствовала, но не то...

– Перевела.

– Пришло! Спасибо, доченька. Выручаешь. Как всегда. Без тебя бы мы...

«Жили по средствам», – заканчиваю мысленно.

– И еще, кстати, – голос у мамы оживляется. – Помнишь, я тебе про дачу говорила? Таисия Павловна рядом со своим домом нашла участок. Хороший, недорого. Но нужен залог. Надо бы поторопиться. Ты же откладываешь?

Я смотрю на отражение в стекле аквариума: моя фигура, теплый свет лампы, три золотые полоски рыбок.

– Откладываю.

– Сколько там уже?

– Мам, давай про дачу потом. Я сегодня устала.

– Что значит потом? Такие варианты не ждут. Мы с отцом не молодеем, нам бы на воздухе, на земле. Ты же не хочешь, чтобы у нас от этой городской пыли инфаркт случился?

Вина поднимается привычно, как кислота в желудке. На вкус – металлическая.

– Не хочу.

– Ну вот. Ты все равно для себя деньги не тратишь. У тебя все есть: работа, квартирка. А у нас что? Мы всю жизнь тебя тянули. Теперь твоя очередь помочь. Как он? Точно, этот, дочерний долг выполнить!

Дочерний долг.

Кредит, который я не брала, но исправно выплачивала последние восемь лет.

– Мам, – говорю я, и голос выходит тише, чем хотелось бы, – я не готова сейчас это обсуждать.

Пауза.

– В смысле не готова? – в голосе появляется удивление. Не злость даже – именно удивление, будто банкомат отказался принимать карту.

Я сжимаю телефон сильнее.

– Мне нужно подумать.

– Что там думать? Ты же у нас умная, все считаешь. Посчитала бы уже все. Таисии Павловне залог к концу недели нужен. Ты же не подведешь?

Привычный ответ уже стоит на языке: «Не подведу». Он хочет выйти сам, без моего разрешения.

Я удерживаю его.

– Посмотрю, – говорю вместо этого. – Все, мам. Я устала. Обнимаю.

– Давай-давай, – отвечает мама рассеянно. – Спасибо за таблетки.

Связь обрывается.

Я кладу телефон экраном вниз и несколько секунд просто стою. Фильтр в аквариуме булькает. Рыбки плавают, не зная, что такое дочерний долг, залог, вина и таблетки, которые всегда дороже поздравления.

Затем включаю ноутбук.

Приложение знакомств открывается на пустом профиле. «Кира, 33».

Нужно загрузить фото.

Открываю галерею. Скриншоты счетов. Фото документов. Снимки экрана из 1С. Аквариум. Ремонт в квартире – ободранные стены, мешки шпаклевки. Еще аквариум. Себя почти нет.

Нахожу фотографию трехлетней давности с корпоратива. Я стою сбоку, в полоборота, в черном оверсайзном платье. Волосы стянуты, лицо бледное, улыбка вежливая и напря-

женная. Вокруг коллеги с бокалами, а у меня пустые руки – даже на празднике я выгляжу так, будто зашла подписать акт сверки и случайно попала в кадр.

– Ладно, – шепчу. – Хоть что-то.

Обрезаю фото так, чтобы осталась только я и кусок стены.

Загружаю.

Строка «О себе».

Курсор мигает. Ждет. Снова.

Пишу:

«Кира, 33, бухгалтер. Люблю книги и тишину».

Читаю. Стираю. Слишком безопасно. Таких профилей тысячи.

Пишу:

«Ищу того, кто научит меня не бояться».

Смотрю на фразу. Внутри все сжимается. Слишком голо. Слишком точно. Слишком удобно для тех, кто любит входить в чужие трещины без стука.

Стираю.

Белое поле остается белым.

Я долго смотрю на него. В аквариуме щелкает терморегулятор. За стеной сосед что-то роняет, ругается вполголоса.

Набираю:

«Кира, 33».

Сохраняю.

Без «бухгалтер». Без «люблю». Без «ищу». Просто имя и возраст. Этого мало, наверное. Но честнее, чем придуманная

женщина, которую я не знаю.

Я пока сама не понимаю, кого предлагаю любить. Да я даже себе себя толком не показала.

Ложусь на диван, не включая телевизор. В квартире есть мебель, книги, аквариум, холодильник, трещина в потолке, сосед сверху и телефон, лежащий экраном вниз. Снаружи люди живут, ругаются, покупают хлеб, таблетки, дачи, дарят друг другу котлеты, поправляют воротники, помнят и забывают про чужие дни рождения. А внутри – ровное холодное место. Как ячейка в балансе, про которую забывала годами, пока не начала инвентаризацию.

Одиночество – это не когда вокруг никого, это когда внутри никого и ты даже не знаешь, что там кто-то должен быть.

Я поворачиваюсь на бок и обнимаю подушку. Впереди три недели отпуска. Впервые за много лет я смотрю не в отчетный период, а в пустоту собственного «что дальше».

И впервые эта пустота не только пугает.

Она зовет.

Глава 2. Инвентаризация иллюзий

Первый день отпуска начинается как ошибка в проводке.

Система еще не распознала операцию. Вчера я числилась главным бухгалтером, который должен быть на заводе в 8:45, подписывать первичку, отвечать на письма, исправлять чужие ошибки до того, как они станут моими. Сегодня я числюсь человеком в отпуске.

Тело этому не верит.

Просыпаюсь в 6:47.

Без будильника, конечно. Будильник я вчера отключила с таким странным чувством, будто совершаю должностное преступление. Но тело оказалось лояльнее заводу, чем я: проснулось само, в привычном режиме, с внутренним списком задач. Встать. Душ. Зубы. Волосы. Проверить сумку: телефон, паспорт, флешка, ежедневник. Не забыть ключи. Не опоздать.

Потом доходит: никуда не нужно.

Я лежу на спине и смотрю в потолок. Трещина у левого угла. Рыбки в аквариуме. Бульканье фильтра. За окном серое февральское утро, которое не требует от меня отчетов – это оказалось таким пугающим! Когда у тебя нет внешнего расписания, наружу сразу лезет внутренний хаос. Работа много лет была не только работой – она была каркасом. Без нее день расползлся, как плохо подшитый документ.

Я лежу еще десять минут. Потом еще пять. Потом встаю не потому, что хочу, а потому что лежать без цели оказалось сложнее, чем работать без отпуска. На кухне включаю свет. Он мигает два раза – лампочку тоже надо заменить. Квартира встречает меня запахом вчерашнего чая, холодной сковородки и чуть влажной земли от цветов на подоконнике. Цветы у меня живут лучше, чем я. Фикус, две фиалки, хлорофитум, который все время выпускает детей на тонких усах. Я поливаю их регулярно, пересаживаю, подсыпаю грунт. Заботиться о растениях легко: они не спрашивают, почему ты такая, не забывают твой день рождения и не просят залог на дачу.

Руки сами достают миску.

Мука. Яйца. Молоко. Сахар. Щепотка соли.

Я не планировала готовить блины. Но, кажется, в моей жизни многие вещи происходят именно так: голова еще не решила, а руки уже выполняют старую инструкцию. Первый блин шипит на сковороде. Запах поднимается теплый, домашний, почти детский – такой, каким детство должно пахнуть в нормальных семьях. Молоком, маслом, горячим тестом. Не спиртом от отца, не маминым криком, не страхом в шкафу.

Первые три блина выходят ровными, золотыми. Я складываю их на тарелку, накрываю сверху другой – чтобы не остыли. Потом жарю еще. И еще. Стопка растет. Тесто заканчивается, на тарелке лежит двадцать два блина.

Я пересчитываю автоматически.

Двадцать два блина на одного человека – многовато.

Ставлю чайник. Достая варенье. Сажусь за стол, снимаю верхнюю тарелку – и останавливаюсь. Блины уже немного остыли. Не испортились, нет. Просто стали не такими. Края подсохли, поверхность из блестящей стала матовой. Три минуты назад они были мягкими, горячими, дышали паром. Теперь – пригодные, почти как надо.

Я смотрю на них и вдруг понимаю, что собиралась есть их потом. Пока закипит чайник. Пока достану варенье. Пока сяду правильно. Пока все будет готово. Я отложила даже горячий блин на потом... Самое простое удовольствие – взять пальцами прямо со сковородки, обжечься, прижать пальцы к уху, посмеяться с себя, съесть стоя – я тоже перенесла на потом. Как отпуск. Как платье. Как красную помаду. Как жизнь.

Беру верхний блин руками. Он уже не обжигает. Ем без варенья, без сметаны, просто так. Жую медленно.

Хороший.

Но даже пять минут назад был бы лучше.

Эта мысль почему-то задевает сильнее, чем должна.

Я живу «на потом». Готовлю «на потом», радуюсь «потом», покупаю «на случай», отдыхаю «после квартала», люблю – когда-нибудь, если заслужу. И «потом» никогда не наступает вовремя. К тому моменту все уже слегка обветрилось. Чайник закипает, щелкает. Я наливаю кипяток в кружку.

ку и думаю: сколько во мне таких блинов? Сколько всего хорошего я накрыла тарелкой, чтобы сохранить, и дождалась только сухих краев?

После завтрака открываю шкаф. Не по плану. Просто стою рядом и вдруг замечаю его так, как замечают старое пятно на стене: оно было всегда, но сегодня почему-то стало невыносимым. Распахиваю обе створки. Из шкафа на меня смотрит не пестрая палитра. Серое. Бежевое. Коричневое. Еще серое. Черное – не как цвет, а как отказ от цвета. Три юбки одного кроя: одна чуть темнее, две почти одинаковые. Блузки в ряд: белая, молочная, светло-серая, снова белая. Брюки прямые, темные, практичные. Чуть растянутый серый кардиган. Свитер цвета, который можно описать только как «хорошо, хоть не маркий». Пальто бежевое. Все куплено по акции, на размер больше, чтобы не обтягивало, не подчеркивало, не задавало вопросов.

Мой шкаф похож на архив осторожности.

Я провожу пальцами по плечикам. Ткань в основном синтетическая, гладкая, холодная, не мнется, не садится, не требует особого ухода. Вещи в моем шкафу подбирались лишь по одному принципу: минимум риска, максимум функции. В дальнем углу висит темно-синяя блузка с мелкими пуговицами. Та самая, которую я надела в день рождения. До этого она полтора года ждала случая в целлофане. Я сняла целлофан утром, расправила воротник, покрасила ресницы и пошла на завод. Никто не заметил, кроме Зинаиды Павловны.

Блузка красивая. Но теперь даже она выглядит не праздником, а документом о попытке. Когда у меня была последняя яркая вещь? Ответ приходит не сразу. Сначала – пустота. Потом запах старой прихожей, тетин голос, шуршание пакета.

Мне двенадцать.

Тетя Галя приехала из Москвы и привезла мне платье. Настоящее новое платье, не после двоюродной сестры, не «еще поносишь», не школьная форма. Ярко-красное, с белым воротником и маленькими пуговицами-вишенками по всей длине. Я помню его так отчетливо, будто держу сейчас. Плотный хлопок, чуть прохладный к коже. Белый воротник, который казался почти праздничным. Пуговицы – маленькие, гладкие, я провела по ним пальцем и подумала, что они похожи на конфеты. Я примерила платье в прихожей и встала перед зеркалом и впервые в жизни подумала: я красивая. Не «нормальная». Не «сойдет». Не «не хуже других». А красивая – просто потому что красный цвет сделал меня видимой, но тогда я еще не знала, что видимость может быть опасной.

Мама вошла в прихожую. Я помню, как у нее изменилось лицо. Не сразу. Медленно, будто кто-то внутри нее сложил бумагу по неправильной линии сгиба.

– Сними, – сказала мама своим привычно недовольным тоном.

Тихо. От этого страшнее, чем если бы крикнула.

– Мам, но тетя Галя...

– Сними, сказала. Ты похожа на проститутку. Галка себе подмену растит, а ты и рада.

Слово я тогда до конца не понимала, но поняла интонацию. Поняла, что тело в красивой вещи – это вина. Что цвет – это приглашение к наказанию. Что радость от собственного отражения нужно прятать так же быстро, как следы преступления. Я сняла платье. Его убрали в пакет, пакет – в антресоль. Что с ним стало потом, не знаю. Но с тех пор красное я больше не носила. Не принимала решения. Не давала обещания. Просто рука в магазинах сама обходила яркие вещи. Глаза не задерживались. Тело выучило урок раньше, чем голова успела его оспорить.

Стою перед шкафом и думаю: сколько таких уроков висит здесь на плечиках? Сколько цветов я не ношу, потому что когда-то кто-то назвал их стыдом? Сколько фасонов считаю «не моими», хотя на самом деле они просто запрещены старым маминым голосом?

Телефон коротко провебрировало на столе. Приложение знакомств. Пятнадцать мэтчей. Я открываю, но тут же закрываю, как будто там не мужчины, а налоговая проверка без предупреждения. Потом открываю снова. Мужчины пишут:

«Привет».

«Как дела?»

«Ты красивая».

«Познакомимся?»

Один прислал три точки и ничего после. Я смотрю на эти три точки дольше, чем надо. Они похожи на человека, который хотел что-то сказать и передумал. Такое родственное сообщение. Но я не знаю, что отвечать. Не в смысле слов, они у меня есть. Я умею писать: «Добрый день, направляю во вложении акт сверки за период...». Умею уточнять: «Прошу подтвердить получение». Умею мягко, но твердо: «Без оригиналов документов провести оплату не представляется возможным».

Но здесь нет оригиналов документов, регламента или правильного ответа в методических рекомендациях.

Открываю браузер. Ввожу: «как общаться на сайтах знакомств». Советы вываливаются бодрые, как люди, которым никогда не было стыдно существовать.

«Будьте собой».

Я зависаю на этом пункте. Будьте собой – это прекрасная рекомендация для тех, кто знает, где эта «собой» хранится. У меня, кажется, она лежит где-то в архиве без описи, между красным платьем и неиспользованным отпуском.

«Задавайте вопросы».

Какие? «Какой у вас ИНН?», «Какой горизонт планирования отношений?», «Есть ли просроченная задолженность по бывшим?»

На этом интересном моменте закрываю браузер. Это сложнее годового отчета. Открываю приложение снова. Один мужчина – сорок с хвостиком, усталое лицо, взгляд

прямой – написал просто: «Привет».

Я отвечаю: «Привет».

Через минуту он пишет: «Как прошел день?»

Пальцы зависают. День только начался. Отпуск только начался. Жизнь, кажется, тоже пытается начаться, но пока зависла на стадии загрузки.

Пишу: «Только начался».

Он отвечает смайликом.

Я не знаю, какой смайлик поставить в ответ. Ставить улыбающийся – слишком дружелюбно? Подмигивающий – ужас. Сердечко – похороны. Большой палец – как ответ поставщику. Не ставлю никакого.

В этот момент звонит отец – это редкость. Обычно отец звонит, когда мама попросила, но сама не хочет. Или когда нужно что-то, о чем удобнее попросить мужским голосом, чтобы выглядело не как мамино давление, а как семейная необходимость. Я беру трубку.

– Кир, привет, – голос хриплый, чуть смущенный. – Мать встретила Людку с твоего завода. Сказала, ты в отпуск ушла.

– Да, пап.

– Понятно. – Пауза. Я слышу, как он ищет нужный заход. – Ну и зачем? Ты же там нужна. Ты – главный бухгалтер! Тебе доверяют. Я бы на твоём месте не рисковал. Работа в наше нестабильное время – это главное.

Я смотрю в окно. Во дворе собака лает на голубя, птица лениво отходит на два шага, не улетает. Даже голубь уверен-

нее меня в вопросе личных границ.

– Я имею право на отпуск по закону.

– Закон законом, – отец вздыхает. – А жизнь жизнью. Я вот помню, в девяностые ушел на больничный на месяц, вернулся – а меня уже и нет там. Место заняли. Сейчас ничегошеньки не меняется! А кадров стало только больше!

– Сейчас другое время.

– Другое, – вздыхая отец соглашается, но так, будто не верит. – Но все равно. Ты подумай, может, неделю отдохнешь – и хватит? Работа ждать не будет. Тем более за дачу скоро платить...

Вот он – переход, почти незаметный, как скрытая комиссия.

– Пап, – говорю ровно. – Я взяла три недели. И проведу три недели.

Пауза становится длиннее.

– Ну смотри. Тебе виднее. – По голосу понятно: не виднее. – Слушай, тут еще такое дело. У меня резина совсем лысая. Зима считай кончилась – можно сейчас выгодно взять комплект. Двадцать тысяч надо, чтобы хорошие купить.

Я закрываю глаза. Удивительно, как быстро человек может перейти от «работа главное» к «переведи деньги». Семейная логика умеет сокращать расстояния.

– Хорошо, пап. Переведу.

– Ну вот и ладно, – голос теплеет сразу, ровно на сумму перевода. – Молодец. Ты нас всегда выручаешь. Отдыхай

там. Только не увлекайся!

Связь обрывается. Я открываю банковское приложение. Нахожу его карту. Ввожу 20 000. Нажимаю «Отправить». Подтверждение приходит через десять секунд. Колеса он не забыл поменять. День рождения дочери – забыл. Хотя, возможно, просто не считал нужным помнить?

Я кладу телефон экраном вниз и иду к аквариуму. Просто постоять рядом. Дебет делает круг у стенки. Кредит гоняет Сальдо от коряги. Их жизнь проста и циклична: вода, корм, свет, стекло. Иногда мне кажется, что я тоже живу в аквариуме, только стекла не видно.

К вечеру темнеет рано. Февральские дни заканчиваются так, будто их кто-то выключает из экономии. Я завариваю чай, укрываюсь вязаным пледом и беру любовный роман с тумбочки. Он лежит там третий месяц, закладка на сто двенадцатой странице. Я читаю его медленно, по несколько страниц перед сном, и всегда засыпаю раньше, чем героиня успевает сделать очередной неправильный выбор. Героиню зовут Виктория. Она красивая, автор сообщает это часто и разными словами, как будто боится, что читатель забудет. У Виктории тонкая талия, волосы цвета меда, губы, которые мужчины хотят целовать, даже когда злятся. Ее любят двое. Сразу двое! Оба замечают ее движения, платье, взгляд, то, как она держит бокал.

На сто тринадцатой странице один говорит ей:
«Ты самое живое, что я видел».

Я перечитываю фразу.

«Ты самое живое, что я видел».

Кладу книгу на грудь и смотрю в потолок.

А если меня невозможно любить? Не потому что я плохая.

Не потому что хорошая. Просто невозможно. Некоторые вещи не любят не из-за дефекта, а потому что они не дают к себе подойти. Стоят в углу, в коричневом, с тугим пучком, сухими руками и выражением «извините, я ненадолго». Я тридцать три года ждала любви, не открывая дверь.

Телефон светится в 23:14. Новое сообщение в приложении.

Кирилл, 47. На фото – мужчина лет сорока пяти-сорока семи, серьезное лицо, седина на висках, взгляд без улыбки. В профиле почти ничего: имя, возраст, город. Никаких «люблю активный отдых» и «ищу легкую на подъем». Пустота другого рода – не растерянная, как у меня, а намеренная.

Сообщение:

«Вы выглядите так, словно извиняетесь за то, что существуете».

Я читаю несколько раз. Не «привет». Не «как дела». Не «красивая». Одна фраза – и точная, как игла, которая попала не просто под кожу, а в уже воспаленное место. Пальцы холодеют. Пишу:

«Откуда такие мысли в 11 ночи?»

Ответ приходит быстро, будто он ждал.

«Из вашей фотографии. Плечи чуть вперед, корпус в по-

лоборота, взгляд мимо камеры. Человек, которому комфортно занимать место, стоит иначе».

Я открываю свою фотографию. Женщина в черном платье, сбоку, с вежливой улыбкой, хотя... и правда, я даже на корпоративе стояла так, будто старалась занять меньше воздуха.

Пишу:

«Вы всегда так начинаете разговор?»

«Нет. Обычно я вообще не начинаю. Скучно».

«А здесь не скучно?»

«Пока нет. Вы отвечаете по существу – это редкость».

Я откладываю телефон, встаю и хожу по комнате. Возвращаюсь. Снова беру телефон. Что-то в этом человеке неприятное, но что-то – цепляет. Не симпатия. Не интерес в обычном смысле. Скорее ощущение, что кто-то открыл дверь в комнату, где я много лет сидела под покрывалом, и включил свет. Грубо. Непрошено. Но свет.

Мы переписываемся почти час.

Он не спрашивает, где я работаю и чем увлекаюсь. Спрашивает, что я читаю, почему именно это. Что думаю о людях, которые на любой вопрос отвечают «все нормально», а ведь, что я могу думать о таких людях, раз сама к таким людям отношусь. Когда я последний раз делала что-то не по плану.

На последний вопрос я пишу:

«Сегодня утром съела горячий блин».

Мужчина отвечает:

«Это уже прогресс XD».

Я неожиданно усмехаюсь. Впервые за день.

Потом он пишет:

«И чего вы здесь ищете, Кира, 33?»

Я смотрю на вопрос долго.

Можно ответить: «общение». Безопасно. «Посмотреть».

Нейтрально. «Не знаю». Честно, но скупо. Вместо этого за-
чем-то пишу:

«Наверное, того, кто научит меня не бояться».

Отправляю и тут же жалею. Слишком голо. Слишком
быстро. Слишком похоже на то поле «О себе», которое я
стерла.

Ответ приходит через минуту.

«Опасный запрос. На него обычно приходят те, кто любят,
когда их боятся».

Я сглатываю.

«А вы?»

«Я люблю, когда люди говорят правду. Это почти всегда
страшнее».

Я не знаю, что ответить.

В половине первого он пишет:

«Предлагаю кофе. Завтра. Только предупреждаю: это не
свидание, скорее благотворительность с моей стороны».

Я читаю и не понимаю, обидеться или засмеяться.

«В вашем понимании благотворительность – это что?»

«У вас на лице написано: «Я не умею разговаривать с

людьми вне рабочего контекста». Я готов потратить час. Бесплатно».

Я смотрю на экран. Потом на шкаф, где все серое и бежевое. На тарелку с оставшимися блинами. На аквариум. На свои руки.

Внутренний голос говорит: «Не надо. Он неприятный. Он видит слишком много».

Другой голос, тише, отвечает: «Он хотя бы видит».

Пишу:

«Хорошо».

И, пока не успела передумать:

«Во сколько?»

Прежде чем искать любовь, нужно понять, кого именно ты предлагаешь любить. Я пока не знаю ответа. Но сегодня я съела один блин горячим. Открыла шкаф и увидела в нем не вещи, а запреты. Согласилась на кофе с человеком, который назвал это благотворительностью.

Наверное, потому что он первым за долгое время посмотрел не сквозь меня. Пусть даже взглядом, от которого хочется спрятаться.

Глава 3. Баланс первого провала

Утро перед встречей тянется вязко, как конец отчетного периода, когда цифры уже стоят, а отчет еще не сдан и все равно кажется: где-то ошибка.

Я просыпаюсь раньше будильника, хотя будильник не ставила. Телефон лежит на тумбочке экраном вниз, но я знаю, что там, в недрах приложения, ждет вчерашняя договоренность:

«18:00. «Бублик». Садовая». Кофейня с рейтингом 3,8. В отзывах: «нормально», «кофе так себе», «дешево и сердито», «в туалете нет бумаги». Кирилл выбирал явно не по атмосфере.

Лежу и слушаю квартиру. Аквариум булькает. Сосед сверху шаркает по кухне. За стеной кто-то включает воду. Мир идет по своему плану, а я впервые за долгое время собираюсь выйти из своего.

Внутренний голос предлагает варианты отмены:

«Напиши, что заболела».

«Срочно вызвали на завод».

«Мама попросила помочь».

«Просто исчезни, люди постоянно исчезают».

Исчезать и я умею – это мой базовый навык, освоенный раньше таблицы умножения. Но сегодня я встаю.

В ванной умываюсь холодной водой и смотрю в зеркало

не по касательной, а прямо. Синяки под глазами чуть светлее после двух ночей без отчетов, но кожа все еще бледная. Губы сухие. Волосы после сна торчат, седина у корней еще больше заметна, нужно обязательно купить краску.

– Ну что, Кира Александровна, – говорю отражению, – пойдем на внешний аудит.

Одежду выбираю так, как обычно выбираю статьи затрат: отбрасывая все рискованное, оставляя то, что можно обосновать.

Открываю шкаф.

Серый, бежевый, коричневый ряды смотрят на меня пустыми «взглядами». Достāju темно-синие джинсы – единственные, которые купила «для дома», но они еще приличные. Черная водолазка. Серый кардиган.

Смотрю в зеркало – нормально – мое любимое слово. Никаких сигналов. Ни туда, ни сюда. Одежда, которая прямо говорит: «Не обращайтесь внимания, я простой зритель». Потом вспоминаю: это не собеседование. Это встреча с мужчиной. Пусть даже мужчина сам назвал ее не свиданием, а благотворительностью. Добавляю тонкий серебристый браслет – подарок коллег на пятый День бухгалтера в их заводе. Я почти его не носила, потому что мешал печатать, сейчас же застегиваю на запястье. Браслет дает маленький блеск, неловкий, почти случайный.

Смотрю на руки: кожа сухая, ногти короткие, кутикула неровная. Браслет на такой руке выглядит как хорошая стро-

ка в плохом отчете. Но пусть будет.

Перед выходом проверяю сумку: телефон, кошелек, ключи, салфетки, гигиеническая помада. Потом зачем-то добавляю шоколадку Зинаиды Павловны, хотя она уже наполовину съедена.

Дорога до «Бублика» идет через заводской район. Я могла бы поехать на автобусе, но иду пешком – как будто привычный маршрут должен подготовить меня к непривычному событию. Прохожу мимо проходной. Петрович курит у входа, подняв воротник куртки.

– Ты чего сегодня не к нам? – щурится Петрович. – В гражданском, без папок.

– Я в отпуске.

Петрович хмыкает.

– Отпуск – это когда на море. А когда вокруг завода круги режешь – это больничный по башке. Ладно, гуляй.

Я иду дальше вдоль забора. За ним гудят цеха, лязгает металл, погрузчик сдает назад с тонким писком. В обычный день я сейчас сидела бы в кабинете, проверяла акты, отвечала на письма, ругалась бы про отсутствующие оригиналы. Вместо этого иду пить кофе с человеком, который обещает правду без скидок.

Для меня это почти такой же форс-мажор, как пожар в архиве.

Кофейня «Бублик» находится в маленьком торговом комплексе за остановкой. Я проходила мимо сотни раз и ни разу

не заходила. Наши с завода предпочитают буфет: щи, пюре, котлета, компот. «Бублик» казался чем-то не для нас. Хотя, как выяснилось по отзывам, тоже не для избранных.

У двери я оказываюсь в 17:55. Останавливаюсь перед стеклом и смотрю на свое отражение: пучок, кардиган, браслет, напряженный взгляд. В стекле за моей спиной отражается остановка, люди, маршрутка с открытой дверью.

Еще можно уйти.

Написать: «Не получится, дела». Не объяснять. Заблокировать. Стереть приложение. Вернуться домой, заварить чай, включить сериал, лечь под плед. Жизнь умеет возвращаться в старую форму, если ее не держать.

Я упрямо открываю дверь. Внутри пахнет кофе, сахарной пудрой и подгоревшим молоком. Пластиковые круглые столы, стулья с хромированными ножками, на стенах желтые круги, стилизованные под баранки. Витрина с заветренными пирожными, сверху – муляжи булочек. Бариста лет двадцати с синими стрелками лениво протирает кофемашину.

Несколько столиков занято: две школьницы с телефонами, молодая пара за ноутбуком, женщина с книгой и пустой чашкой. Кирилл сидит у окна, спиной к стене.

Я узнаю его сразу, хотя на фото он казался моложе. Вживую – седина заметнее, лицо усталое и отекающее, кожа вокруг глаз тонкая. Темный пиджак сидит тесно: по плечам и по животу видно, что он покупался для другого веса и другого представления о себе. Из под пиджака выглядывает белая

рубашка. На манжетах запонки – единственная явно дорогая вещь. Он перебирает их пальцами, будто четки. Перед Кириллом уже стоит черный кофе и бутылка воды. Мужчина видит меня и поднимается. Взгляд проходит по мне снизу вверх. Открыто. Без стеснения. Не раздевает – инвентаризирует.

– Кира?

– Да. Добрый вечер.

– Вовремя, – говорит Кирилл, посмотрев на часы. – Это приятный бонус взрослых женщин. Они хотя бы понимают цену времени.

Слово «взрослых» звучит почти как «возрастных», но я решаю не уточнять.

– Присядьте.

Я сажусь напротив. Сумку ставлю рядом на пол так, чтобы можно было быстро схватить. Тело всегда знает, где выход, даже когда голова делает вид, что все под контролем.

– Что будете? – кивает Кирилл на меню.

– Черный чай. Без сахара.

Мужчина поднимает руку:

– Девушка, нам двойной эспresso и черный чай без сахара.

Я открываю рот, чтобы сказать, что могу сама заказать и заплатить, но заказ уже ушел. Вопрос счета повисает между нами невидимой строкой. Я отмечаю его мысленно и откладываю.

Пока ждем, Кирилл молчит. Просто смотрит, как человек, который привык находить дефекты и гордится этим. В его взгляде есть ум и усталость. И что-то еще – обида, застарелая, тщательно отполированная до вида принципа.

Бариста приносит чай и кофе. Чай пахнет залежавшимся пакетиком, кипятком и дешевым лимонным ароматизатором, хотя лимона там нет.

Кирилл делает глоток кофе, морщится.

– Плохой, – подмечает мужчина.

– Зачем тогда здесь встречаться?

Кирилл смотрит на меня с легким интересом.

– Чтобы не отвлекаться на декорации. В хороших местах люди слишком быстро начинают играть в хорошую жизнь.

Это почти умно. Я не успеваю решить, нравится мне фраза или раздражает, как он продолжает:

– Ну что ж. Начнем?

– Что именно?

– Вы вчера написали, что ищете того, кто научит вас не бояться.

В горле становится сухо.

– Я написала это в переписке не как заявку на консультацию.

– Любая честная фраза – заявка, – отвечает Кирилл. – Просто большинство людей потом делает вид, что ничего не имели в виду.

– А вы всегда воспринимаете людей буквально?

– У меня психологическое образование, – подмечает мужчина. – Правда, с практикой не сложилось. Люди любят правду только в рекламных формулировках. Вживую почему-то обижаются.

Я начинаю понимать, почему с практикой не сложилось. Кирилл ставит чашку на блюдце. Поправляет запонку. Смотрит снова.

– Можно?

– Что?

– Сказать, что вижу.

Я могла бы сказать «нет». Могла бы. Но вчера сама пришла к этому человеку через фразу про страх. И часть меня – самая уставшая, самая злая – хочет услышать. Не ласку. Не «ну, ты красивая». А хоть что-нибудь, что не будет гладить по поверхности.

– Можно, – говорю я.

Кирилл кивает.

– Волосы. Пучок тугой, рабочий. Не украшение, а способ убрать помеху. Седина у корней – не красите, это могло бы быть позицией, но у вас не позиция. У вас скорее «некогда», «незачем» и «для кого». Верно?

Я касаюсь шеи.

– Возможно.

– Одежда. Джинсы без фасона, водолазка, кардиган. Все темное, серое, без акцентов. Размер больше, чем нужно. Вы прячете тело. Но не потому что оно плохое, а потому что

любое тело – это внимание, а внимание для вас небезопасно.

Я смотрю на чай.

– Вы быстро делаете выводы.

– Я быстро вижу паттерны, а это, милочка, не одно и то же.

Он говорит спокойно, не повышает голос. От этого хуже.

Крик можно списать на эмоции. Спокойная жестокость выглядит как метод.

– Глаза, – продолжает Кирилл. – Вы смотрите прямо секунду-полторы, потом уходите в сторону. В окно, в чашку, на руки. Чужой взгляд для вас – проверка. Как будто в нем обязательно будет оценка, и вы заранее готовитесь провалиться.

Я заставляю себя смотреть на него.

Секунда. Две. Три.

Глаза начинают слезиться не от эмоций даже, а от усилия. Тело требует отвернуться, как требует отдернуть руку от горячего.

Я держу.

Кирилл замечает. Уголок губ чуть двигается.

– Руки... Вы теребите браслет с тех пор, как сели. До этого край рукава. Кожа сухая, особенно на костяшках. Либо часто моете руки, либо много работаете с бумагой. Ногти короткие, обрезаны неровно. Маникюр – не ваша статья расходов.

Я убираю руки под стол. Слишком поздно...

– Лицо. Тушь сегодня, судя по аккуратности и напряжению вокруг глаз, по особому случаю. Помады нет, только бальзам. Вы не привыкли акцентировать губы. Губы – это

сексуальный маркер, а сексуальность для вас либо стыд, либо зона, куда лучше не заходить.

Слово «сексуальность» в дешевой кофейне, между подогревшим молоком и пустыми столиками, звучит так чуждо, что меня пробирает холодом.

– Достаточно, – говорю я.

Но голос тихий. Не приказ. Просьба. Он слышит это и, конечно, не останавливается.

– Вы когда последний раз смотрели на себя в зеркало не между делом?

Я думаю. Вчера ночью, после крыши? Нет, это было мельком. Сегодня утром? Тоже мельком. По-настоящему – не помню.

– Вот, – говорит он, хотя я не ответила. – Ваша основная проблема в том, что вы относитесь к себе как к учетной единице. Есть функции: работа, помощь родителям, быт. Все. Женщина в этой системе числится как забалансовый счет. Формально существует, фактически не учитывается.

Я сжимаю кулаки под столом. Ногти впиваются в ладони, а костяшки белеют.

– Вы меня не знаете.

– Знаю достаточно для первого приближения.

– Нет, – возражаю я. – Вы видите одежду, волосы, руки и делаете вид, что это вся я.

Кирилл впервые чуть откидывается назад.

– Хорошо, – перебивает Кирилл. – Возражение принима-

ется. Тогда скажите сами: кто вы, кроме главного бухгалтера и хорошей дочери?

Вопрос повисает между нами.

Простой. Неприлично простой.

Кто я?

Я открываю рот. И тут же закрываю.

В голове пусто. Не потому что нечего сказать – потому что все доступные слова действительно из чужих ролей: бухгалтер, дочь, сотрудник, плательщик, ответственная, надежная, удобная.

Кирилл смотрит внимательно. Уже не с насмешкой, почти с интересом.

– Вот об этом я и говорю, – произносит Кирилл тише. – Вы хотите отношений, но даже себя предъявить не можете. Не потому что вы пустая, а потому что вас так долго учили быть полезной, что все бесполезное вы списали.

Эти слова попадают точнее, чем предыдущие. Я делаю глоток чая. Он обжигает язык и горчит пакетиком.

– Вы жесткий человек, – говорю я.

– Да.

– Гордитесь?

Он усмехается. Но усмешка выходит кривой.

– Раньше гордился. Сейчас скорее пользуюсь тем, что осталось. Три брака, знаете ли, плохо влияют на веру в нежность.

Вот он. Не только сканер, а человек с трещиной. Я неожи-

данно смотрю на его запонки. Он снова их поправляет. Дорогие. Старомодные. Слишком нарядные для «Бублика».

– Подарок? – спрашиваю.

Он замирает.

– Что?

– Запонки. Вы все время их трогаете.

На секунду в его лице мелькает раздражение. Не сильное, но настоящее. Я попала.

– Подарок из давнего прошлого, – говорит он после паузы.

– И вы все еще носите?

– Качественная вещь.

– Или память.

Он смотрит на меня дольше обычного.

– Осторожно, Кира. Вам еще рано отвечать анализом на анализ.

– Зато приятно попробовать.

Он неожиданно коротко смеется. Почти живо. И тут же снова собирается.

– Хорошо. Вернемся к вам. Я не говорю, что вы безнадежны. Наоборот. Где-то там, под всем этим, есть женщина. Но вы ее давно закопали. Может, аккуратно. Может, из страха. Но закопали.

Слово «женщина» отзывается внутри болью. Не романтической, не красивой. Как синяк, на который нажали.

– А вы, значит, знаете, где она? – спрашиваю. – Три брака дают право выдавать такие заключения?

– Три брака дают право не верить в красивые упаковки, – отвечает Кирилл. – И видеть, когда человек вообще без упаковки. Вы даже не пытаетесь себя продать, Кира. Вы заранее уверены, что товар бракованный.

Я встаю. Стул скрипит. Школьницы за соседним столиком оборачиваются.

– Знаете что, – отвечаю я. Голос дрожит, но уже не от страха. – Я не товар. И не ваш пациент. И не объект благотворительности. Я пришла выпить кофе, а не слушать, как меня разбирают по пунктам, будто старый принтер перед списанием.

Кирилл поднимает брови.

– Неплохо.

– Что?

– Злость вам идет. Лицо живее.

Это добивает.

– А вам, – говорю я, – не идет роль Бога в тесном пиджаке. Он смотрит на меня. Потом вдруг улыбается – не тепло, но почти с уважением.

– Вот. Уже лучше.

Я хватаю сумку.

– Всего доброго.

– Кира...

Я останавливаюсь у двери, хотя лучше бы не надо.

– Это было не про то, чтобы унижить, – усмешливо говорит Кирилл. – Хотя, возможно, я иначе не умею. Это было

зеркало. Неприятное. Дешевое. С плохим светом. Но зеркало!

– У зеркала хотя бы нет счета за чай, – отвечаю я.

И вот тут он делает то, что окончательно возвращает его из опасных мудрецов в неприятные мужчины. Берет телефон. Открывает калькулятор.

– Кстати, о счете. Ваш чай – сто двадцать рублей. Я оплатил заказ целиком. Не люблю финансовой неопределенности.

Я смотрю на него. Сначала не верю. Потом почему-то именно это становится последней каплей. Не слова про женщину, не забалансовый счет, не губы, не седина. А сто двадцать рублей за чай, который я почти не пила.

Я достаю из кошелька двести рублей, кладу на стол.

– Оставьте сдачу на развитие эмпатии.

И выхожу. На улице холодный воздух бьет в лицо. Глаза щиплет. Я иду быстро, почти бегу, не разбирая дороги. Внутри все смешалось: злость на него, стыд за себя, унижение, странная благодарность, желание вернуться и сказать еще что-то острое, желание никогда больше не видеть людей.

Он жестокий. Мелочный. Самодовольный. Травмированный и гордый своей травмой, как орденом.

И он частично прав.

От этого хуже всего...

Вечером я снова на крыше.

Та самая бутылка вина все еще стоит дома. Я беру ее с

собой. Сегодня наливаю немного в пластиковый стакан. Сигареты покупаю по дороге – ту же пачку «Бонд». Продавец опять не смотрит.

Сажусь не совсем на край, но близко. Ветер треплет пучок, забирается под ворот кардигана. Город шумит внизу. Где-то недалеко гудит завод – вечерним тяжелым басом.

Затягиваюсь. Кашель приходит сразу. Я не останавливаюсь.

Слезы выходят сами. Не красиво. Не одной дорожкой, как в кино. Рыдания поднимаются из живота, сгибают меня пополам. Сигарета дрожит в пальцах, пепел падает на бетон.

– Женщина как забалансовый счет, – говорю вслух и сама слышу, как жалко это звучит.

Пью вино. Оно кислое, холодное, выдохшееся, слишком дорогое для пластикового стакана и слишком бесполезное для такой боли.

– А если ее там нет? – спрашиваю город. – Если я правда только функция?

Город не отвечает. Города вообще редко отвечают тем, кто платит налоги и ждет любви. В голове всплывает Кирилл: «Где-то там, под всем этим, есть женщина».

Я ненавижу его за эту фразу, но цепляюсь за нее. Потому что если «где-то там» – значит, не все потеряно. Значит, есть что искать. Значит, я не полностью списана.

Иногда нужен жестокий человек, чтобы сказать правду, которую мягкий сказал бы слишком бережно, и ты бы снова

не услышала. Это не делает его хорошим. Это делает удар точным.

Ночью я стою в ванной.

Открываю горячую воду до упора. Пар поднимается быстро, зеркало запотеваает по краям, середина еще держит отражение. Я раздеваюсь медленно. Кардиган, пропахший сигаретами. Водолазка. Джинсы. Белье.

Остаюсь голой.

И смотрю.

Не как обычно – мимо, быстро, по делу. Не проверяю, нет ли пятна, складки, синяка. Смотрю долго. Седина у корней. Бледные плечи. Ключицы. Маленькая не симметричная грудь. Живот с мягкой складкой. Бедра уже, чем мне казалось, по бокам выступает целлюлит. Колени с синяками – ударились о стол, когда двигала его неделю назад. Сухая кожа на локтях. Родинка под ребром, про которую я забывала, пока не видела ее.

Это мое тело.

Фраза звучит странно. Как будто я утверждаю право собственности на помещение, в котором много лет жила по временной регистрации.

Провожу рукой по боку. Кожа теплая от пара. Внутри холодно. Я не ненавижу свое тело. Ненависть – слишком личное чувство. Я просто не числила его среди активов. Оно было транспортом: довезти до работы, выдержать недосып, не заболеть в отчетный период, **не мешать**.

Мое тело не было храмом.

Скорее складом временного хранения, куда я заходила только при необходимости.

– Когда я стала призраком? – спрашиваю отражение.

Зеркало молчит. По нему стекают капли, лицо расплывается. Я протираю стекло ладонью и снова вижу себя.

В учебнике по бухгалтерии писали: «Инвентаризация проводится с целью выявления фактического наличия активов и обязательств».

Фактическое наличие тела: есть.

Фактическое наличие жизни в теле: под вопросом.

Горячая вода обжигает плечи. Я подставляю лицо под струю. Слезы смешиваются с водой, уже не разобрать, что от температуры, что от боли.

Кирилл сказал правду грубо. Небрежно. Своими грязными руками, с калькулятором за сто двадцать рублей. Но он ткнул в дыру, которую я заклеивала серыми кардиганами, отчетами, деньгами родителям и фразой «мне нормально».

Мне не нормально.

Я выхожу из душа, заворачиваюсь в полотенце и подхожу к зеркалу еще раз. Волосы мокрые, седина почти не видна. Кожа порозовела. Глаза красные.

Смотрю на отражение.

Не красиво. Не вдохновляюще. Не «новая я».

Просто я.

– Я есть, – говорю тихо. – Не только как главный бухгал-

тер. Не только как кошелек. Не только как функция.

Голос дрожит.

Но фраза остается.

– **Я есть.**

Глава 4. Амортизация: износ защитных механизмов

Утром я не встаю.

Не потому что болею и не потому что решила позволить себе ленивый отпускной день. Просто тело отказывается выполнять привычную команду. Будильника нет. Завода нет. Срочной первички нет. А без внешнего приказа я вдруг не понимаю, зачем поднимать себя с кровати.

Лежу на боку, обнимаю подушку.

Трещина в левом углу потолка. Аквариум. Бульканье фильтра. Серое февральское окно. Все на местах.

Кроме меня.

Вчерашний вечер лежит рядом. Кофейня «Бублик», подгоревшее молоко, Кирилл в тесном пиджаке, его пальцы на запонках, калькулятор в телефоне, сто двадцать рублей за чай.

И фраза:

«Женщина как забалансовый счет».

Я закрываю глаза. Открываю. Фраза остается. Есть слова, которые не просто слышишь. Они потом живут в комнате, ходят за тобой на кухню, ложатся рядом в кровать, ждут утром у зеркала. Я пытаюсь спорить с ними, но спор выходит слабый, как возражение в налоговой без подтверждаю-

щих документов.

«Он грубый».

Да.

«Он мелочный».

Да.

«Он не имел права».

Конечно.

«Но он попал».

Тоже да.

Я тянусь к пульту и включаю телевизор. На экране сразу кто-то громко выясняет отношения в студии: женщина плачет, мужчина оправдывается, ведущая говорит голосом судьи и санитарки одновременно. Потом реклама таблеток от печени, реклама шампуня, новости. Я переключаю. Еще ток-шоу, еще чужие крики, чужие беды, чужие лица, натренированные на страдание.

Выключаю.

Тишина возвращается такой плотной, что в ней слышно, как щелкает терморегулятор в аквариуме.

Сажусь на кровати, подтягиваю колени к груди. Волосы стянуты в пучок со вчерашней ночи, резинка тянет кожу у висков. Я снимаю ее. Волосы рассыпаются по плечам – туск-

лые, спутанные, с седыми прядями у лица. Голова начинает болеть меньше.

Странно, что иногда боль держится на одной резинке.

Внутри поднимается старый шум. Не воспоминания даже – скорее запахи, звуки, обрывки света. Шкаф. Нафталин. Крики. Страх. Разбитая тарелка. Мамино дыхание за дверью ванной. Кровь на трусах. Угрызения и предупреждения, быть брошенной с прицепом. Красное платье. Тетя Галя, искренний взгляд. Крики мамы о том, что в этом платье мне только на панель. Весна. Универ. Мальчик, который ждал у гардероба. Я отказалась от свидания.

Я не хочу туда.

Но после Кирилла все внутренние двери плохо закрываются.

Мне восемь.

Квартира маленькая, двухкомнатная, хрущевка с кухней, где двое взрослых уже тесно, а третьему лучше сразу научиться исчезать. Вечер. За окном темно, на стекле отражается люстра с тремя плафонами, один перегорел и так и висит мертвым глазом. Из кухни доносится мамин голос – высокий, натянутый, как леска.

– Сколько можно? Ты опять всю зарплату оставил в этом ларьке! На что мы жить будем?

Отец отвечает глухо. Почему-то его пьяный голос всегда будто идет через вату.

– Отстань. Я работаю, имею право.

– Имеешь право? – мама смеется коротко, страшно. – На бутылку ты имеешь право, да? А ребенка кто кормить будет? – Ребенок у тебя святая корова. Все ей, все ей. А мне что? Звук разбивающейся тарелки бьет по ушам раньше, чем я успеваю испугаться. Потом уже испуг догоняет тело: плечи поднимаются, живот сжимается, пальцы вцепляются в книгу.

Я сижу на полу в комнате. У меня на коленях книга – то ли «Карлсон», то ли «Три толстяка». Я не помню название, помню только, что там было много букв. Буквы спасали лучше взрослых: в них можно было провалиться, как в люк.

На кухне снова грохот.

Я встаю, беру книгу и залезаю в шкаф.

Там темно, тесно, пахнет зимними пальто, пылью, нафталином и мамиными духами, которые она берегла «на выход» и почти не носила. Я закрываю дверцу, оставляю щелочку света. Сажусь на корточки между сапогами и коробкой с елочными игрушками.

В шкафу никто не кричит.

В шкафу я не мешаю.

В шкафу меня нет.

– Ты хоть ребенка не разбудишь? – кричит мама.

Я не сплю. Но лучше, если они думают, что сплю. Спящие дети удобнее живых.

Отец что-то бурчит. Потом удар. Не по человеку – по столу, наверное, или по стене. Я не знаю. В детстве звук опас-

ности редко бывает точным. Он просто заполняет квартиру целиком. Я прижимаю книгу к груди и читаю одну и ту же строку пять раз, не понимая смысла.

Тогда я выучила первый закон безопасности: если тебя не видно, тебя сложнее задеть. Позже этот закон стал характером.

Мне четырнадцать.

Ванная. Теплая вода уже остывает. В руках упаковка маминых прокладок, вскрытая неловко, с рваным краем. Внизу живота тянет тупо и странно. На трусах пятно крови. Не огромное, не страшное – но такое, после которого ты уже не можешь сделать вид, что ничего не произошло.

Я не очень испугалась. Девочки в школе шептались про месячные, кто-то уже носил прокладки в боковом кармане рюкзака, как тайное удостоверение взрослости. Но все равно было не по себе. Тело сделало что-то без моего разрешения. Стало другим. Женским.

Мама стучит в дверь.

– Ты там что, уснула? Вода льется, между прочим. Счетчик кто оплачивать будет?

– Мам, – говорю я тихо. – У меня... это.

Пауза. Дверь открывается. Мама входит, видит трусы, упаковку, мое лицо. Я жду чего-то. Не знаю чего. Может быть, «не бойся». Может быть, «это нормально». Может быть, хотя бы инструкции. Она фыркает.

– Ну вот, началось.

Я стою босиком на холодном кафеле.

– Теперь смотри мне, – говорит мама, схватив меня за шею. – Не вздумай хвостом крутить. У таких, как ты, один путь: сначала кино, потом пузо, потом всю жизнь локти кушать и на нашей с отцом шее выbledка своего содержать. Я тебя не для этого растила.

У таких, как ты. Я еще не знаю, какая я. Но уже понимаю: мое тело – опасность. Не для меня даже, для семьи. Для мамино спокойствия, для ее репутации, для будущего, которое она придумала без моего участия.

Никто не сказал мне, что тело – мое. Мне сказали: следи, чтобы оно не опозорило нас. Это разные инструкции. По одной живут. По другой – прячутся.

Мне семнадцать.

Техникум, общага. Коридор пахнет жареной картошкой, дешевым дезодорантом, влажными полотенцами и чужой юностью. Девчонки смеются в комнате, обсуждают лаборанта, который «точно смотрел на них», и новую тушь с рынка, от которой ресницы «как у Мальвины, только без денег».

Саша из параллельной группы ждет меня у гардероба после занятий. Высокий, немного сутулый, с добрыми глазами и шарфом, намотанным слишком небрежно. Он мнется, переступает с ноги на ногу.

– Кира, – Саша зовет из-за угла. – Тут фильм новый вышел. Говорят, хороший. Сходим в субботу? Я билеты купил.

Внутри меня поднимается такое тепло, что я почти пуга-

юсь. Не благодарность, не вежливость – радость. Простая. Кто-то позвал меня не решить задачу, не объяснить бухучет, не дать конспект, а просто в кино. Меня! Я киваю.

– Давай. Во сколько?

Мы договариваемся. Я возвращаюсь в общежитие и весь вечер хожу так, будто под одеждой у меня спрятан маленький свет. Девчонки что-то спрашивают, смеются, я отвечаю невпопад. Впервые хочется выбрать кофту не ту, что теплее, а ту, в которой я лучше выгляжу. Вечером звоню маме, хочу рассказать. Почему-то тогда мне еще казалось, что радостью надо делиться с матерью.

– Мам, привет! Представляешь, меня Саша из параллельной группы пригласил в кино. В субботу.

На том конце провода – пауза. Потом короткое фырканье.

– В кино она пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.